

В этом году семье Е Цзюньшу не нужно было принимать гостей, да и самим ходить с поздравлениями в период траура было не к лицу, так что все шестеро братьев праздновали дома. Е Цзюньшу не обидел малышей: сладостей и сухофруктов наготовил вдоволь. В конце концов, Новый год — это время, когда нужно хорошенько поесть.

Для Сяо Шаня и остальных эти дни стали самыми счастливыми: каждый день горы лакомств, а старший брат каждую трапезу превращал в пир, выдумывая всё новые и новые кушанья.

Они целыми днями ходили сытые и довольные — вот оно, истинное счастье!

Первый день года — время, когда вся деревня гудит: младшие навещают старших, начиная с самых старых старейшин и далее по списку. Толпы взрослых и детей кочуют из дома в дом — зрелище шумное и величественное. К сожалению, ближайшие три года их семье в этом не участвовать, и Цзюньшу втайне об этом сожалел.

Однако к вечеру его ждал сюрприз, тронувший до глубины души: те тридцать с лишним ребятишек, которых он учил грамоте, все как один пришли к его дверям поздравить с праздником.

Это согрело сердце Е Цзюньшу. Хоть его семья и отдалилась от деревенской суеты, о них не забыли. Жители по-прежнему считали их своими. Юноша в очередной раз похвалил себя за решение учить детей. Жун-бо действительно желал им добра: помогая решить проблему с едой, он одновременно не давал связям с односельчанами оборваться.

На второй день года наступает время когда гэри, выданные замуж, возвращались в родительский дом.

У Е Цзюньшу из близкой родни осталась только семья дяди по матери, но из-за снежных заносов горные тропы стали непроходимы. Обычно они обменивались подарками еще до снегопадов, гостя в доме дяди день-другой, и на этом празднование считалось исполненным.

Собственно, так поступали все, чьи родные жили далеко: либо навещали их до зимы, либо уже весной, когда сойдет лед. Только те супруги, кто нашел пару в своей или соседней деревне, могли позволить себе поход в гости на второй день года.

Мин-аму как раз был родом из соседней деревни Цзя, до которой было всего полдня пути. Он успел обернуться за день и к вечеру принес братьям угощение — рисовые лепешки «номомицы», которые собственноручно приготовил его аму.

Маленькие, круглые, очаровательные белые колобки из клейкого риса были упругими, не липли к зубам и таяли во рту приятной сладостью. Детям они безумно понравились, да и сам Цзюньшу не удержался и съел несколько штук.

Мин-аму с нежностью наблюдал за жующими детьми, а затем обратился к Цзюньшу:

— Зашел сказать, чтобы завтра в обед ничего не варил. Приходите все к нам.

Е Цзюньшу опешил от такого приглашения:

— Мин-аму, это... удобно ли? — Он попытался вежливо отказаться, помня, как суеверно люди относятся к «траурной ауре» в праздничные дни.

— Тьфу на тебя! С нашими-то отношениями еще и оберегаться? — отмахнулся Мин-аму. Их

семьи дружили поколениями, всегда помогая друг другу, и связи были крепче некуда.

Мин-аму и его муж были названными братьями родителям Цзюньшу. Теперь, когда тех не стало, а дети остались одни-одинешеньки, сердце разрывалось видеть их одиночество в такой большой праздник.

Мин-аму с мужем совещались всю ночь и решили: пусть на третий день года приходят к ним, посидят двумя семьями, пошумят — вот тогда это будет настоящий Новый год. Обедать решили днем, потому что к вечеру становилось слишком холодно для малышей.

— Но...

— И никаких «но». Решено, — Мин-аму не дал и слова вставить. Наказал приходить пораньше и был таков.

Цзюньшу только вздохнул: от такого искреннего приглашения не отказываются.

На следующее утро Сяо Чжи и Цзюнь-гэ прибежали за ними сами — видимо, боялись, что те передумают.

Е Цзюньшу принялся снаряжать братьев: надевал на них один толстый ватный халат за другим, пока дети не превратились в круглых неповоротливых колобков. Он бы и еще что-нибудь нацепил из страха простудить их, да одежда уже не застегивалась.

Снег на дороге к дому Мин-аму был расчищен, но под ногами всё равно было скользко. Е Цзюньшу и Е Цзюнь взяли по одному младенцу на руки, другой рукой подхватили Лу-гэра и Цинь-гэра и медленно побрели к гостеприимному дому.

Дядя Хуа уже поджидал их на пороге. Увидев знакомые фигурки, он заметно расслабился.

— Дядя Хуа! — хором поздоровались дети.

— Эхе-хе! — весело отозвался тот, заглядывая в сверток на руках Цзюньшу. — Это Пятый малыш (У-ва), верно? Как вымахал-то! — С этими словами он перехватил ребенка и уверенно подбросил его на руках.

Пятый, совершенно не боясь чужих, восторженно заагукал и засучил ножками.

— Проходите скорее, в тепле поговорим.

Вся компания шумной толпой ввалилась в дом. Мин-аму, уже знавший о приходе гостей, вынес два подноса, полных орехов и сладостей.

— Ну-ка, угощайтесь, не стесняйтесь! — радушно встретил он детей.

Увидев, как те закутаны, и заметив их покрасневшие лица, он тут же усадил всех на кан и принялся стаскивать лишние слои одежды.

— Что ж ты их так упаковал, запарятся ведь!

Е Цзюньшу виновато потер нос. Много? Ему казалось, в самый раз — на улице ведь мороз, это не в натопленной комнате сидеть.

Убедившись, что дети пристроены и у каждого есть компания (дядя Хуа с Цзюнь-гэ забавляли

общительных близнецов, Лу-гэр и Цинь-гэр хвостиком ходили за Ло-гэром, а Сяо Шань и Сяо Чжи затеяли «петушиный бой», прыгая на одной ноге и толкаясь плечами до красноты в лицах), Цзюньшу направился на кухню.

Кухня у Мин-аму была устроена так же, как и у них, разве что чуть теснее. Хозяин как раз вовсю орудовал деревянной лопаткой, помешивая что-то в котле.

— Мин-аму, я помогу. Что нужно делать? — Цзюньшу огляделся, прикидывая, что вполне может последить за огнем.

— Иди-иди, поиграй с остальными! Чего это ты в кухню полез? Я и сам справлюсь, — Мин-аму замахал на него лопаткой, прогоняя. В его представлении настоящему мужчине на кухне делать нечего; в его доме ни один мужчина, от мала до велика, к плите не притрагивался.

Е Цзюньшу улыбнулся:

— Но ведь дома готовлю именно я! Мин-аму, позвольте мне остаться, вдруг я у вас какому секретному рецепту научусь?

Вспомнив о положении семьи Е, Мин-аму смягчился и перестал прогонять юношу. Видя, что тот и правда хочет научиться, он принялся охотно показывать свои кулинарные хитрости.

Учитывая их траур, обед был простым и в то же время богатым: двенадцать разных овощных блюд, которые под рукой мастера превратились в настоящие ароматные шедевры.

Сказать, что обед был не богатым, можно было лишь потому, что на столе не нашлось ни кусочка мяса — единственным исключением стали яйца. Но зато блюда из яиц составляли добрую половину стола, и каждое было приготовлено по-особому, что говорило о невероятном старании хозяев.

Трапеза прошла в полном восторге и хозяев, и гостей.

Е Цзюньшу подумывал о том, чтобы пригласить их к себе с ответным визитом, но следующие десять дней дом Мин-аму был расписан буквально по часам: в деревне начались бесконечные хождения по гостям. Сегодня ели у одних, завтра у других, так что планы Цзюньшу раз за разом приходилось откладывать.

Праздник Нового года кажется долгим — официально он заканчивается лишь после пятнадцатого числа первого месяца, но дни летели стремительно. Казалось, люди только-только погрузились в новогоднюю атмосферу, а торжества уже подошли к концу. В день прощания с праздником сельчане шумно гуляли до упаду, и на этом год окончательно вступил в свои права.

Луна шестнадцатого дня была идеально круглой; она высоко висела в чистом, как отполированный шелк, небе, сияя в унисон с лежащим на земле снегом. Погруженная в сон деревня безмолвствовала, даже лай собак и крики петухов стихли в ночной неге. В лунном свете длинная тень одинокого путника растянулась по земле, и хруст снега под его ногами раздавался отчетливо и звонко.

Е Цзюньшу внезапно проснулся посреди ночи. Ему приснилось что-то неясное, и сон как рукой сняло. Он долго лежал, глядя в потолок, а потом тихо выскользнул на улицу. Постояв у ворот, он подставил лицо ледяному ночному ветру, пока совсем не продрог.

Уже собираясь вернуться в дом, он вдруг услышал стук. Тихий, но в мертвой ночной тишине он прозвучал на удивление резко.

Стук в дверь в такой час?

На мгновение в голове Цзюньшу промелькнули сюжеты из мистических историй о призраках, но, отбросив суеверия, он подошел к дверям и негромко спросил:

— Кто там?

Снаружи воцарилось молчание, а затем раздался ответ:

— Это я.

Голос был знакомым — он не ошибся. Е Цзюньшу отпер дверь. Перед ним стоял Е Цзюньхао.

— Хао-цзы? Ты... — Цзюньшу изумленно окинул его взглядом. Хао-цзы был при полном снаряжении: за спиной узел, ляжки которого были связаны на груди, на поясе висели лук и кинжал. Впрочем, глубоко внутри Цзюньшу не был удивлен.

— Сяо Чжоу-цзы... — Хао-цзы выдавил улыбку. — Мы с тобой и впрямь родственные души! Я только пришел, а ты уже вышел навстречу. Я прямо-таки тронут!

А ведь он думал: если Цзюньшу крепко спит и не услышит, он просто уйдет, не прощаясь.

Е Цзюньхао, не заботясь о приличиях и ледяной земле, плюхнулся прямо на снег у порога, с трудом вытянув правую ногу поудобнее. Затем он похлопал по месту рядом с собой и улыбнулся другу:

— Присаживайся. Брату в ночи не спится, пришел потолковать с тобой при свечах... Ну, свечей нет, но при луне даже атмосфернее, ха-ха...

Цзюньшу нахмурился и присел рядом на корточки. Не обращая внимания на напускное веселье друга, он прямо спросил:

— Хао-цзы, что случилось?

Улыбка сползла с лица Е Цзюньхао. Он помолчал, а затем серьезно произнес:

— Цзычжоу, я ухожу.

— ... — Цзюньшу так и думал.

Вид у Хао-цзы был потрепанный, но глаза сияли так ярко, как никогда прежде.

— Цзычжоу, — твердо сказал он, — я обязательно добьюсь успеха!

Цзюньшу показалось (или нет?), что на лице друга блеснули следы невысохших слез.

Е Цзюньшу положил руку на плечо Хао-цзы и уверенно произнес:

— Хао-цзы, ты обязательно победишь!

Услышав слова поддержки, Е Цзюньхао почувствовал, как с души свалился огромный камень.

Непонимание родных давило на него все эти два месяца, не давая вздохнуть. Как он ни старался убедить семью, они лишь холодно насмеялись над его «несбыточными мечтами».

Он и сам не знал, почему ноги привели его сюда. Наверное, ему просто нужно было увидеть того единственного человека, который в него верит.

На лице Хао-цзы отразилось облегчение.

— Спасибо тебе, Цзычжоу.

— Ну, я пойду, — он потрепал Цзюньшу по голове. — Береги себя. И... будь к себе хоть капельку добрее.

Сказав всё, что хотел, Хао-цзы поднялся и, прихрамывая, начал медленно удаляться.

Е Цзюньшу коснулся макушки, по которой его погладил друг, посмотрел в спину уходящему и вдруг крикнул:

— Хао-цзы, стой!

Тот в недоумении обернулся.

— Подожди минутку, у меня есть кое-что для тебя! Обязательно жди, а не то я с тобой больше не знаюсь!

— Понял-понял! — усмехнулся Хао-цзы, подумав: «Всё-таки он еще совсем ребенок».

Цзюньшу со всех ног бросился в дом, быстро отыскал два флакона, подаренных дядей Ли, прихватил серебро и выбежал обратно.

Он подскочил к Е Цзюньхао и разом всучил ему всё в руки:

— Те пилюли — от внутренних травм, а мазь — для ран, очень действенная. Бери, Хао-цзы, и храни надежно.

Флаконы были почти полными — Цзюньшу пользовался ими всего полмесяца. В пути может случиться всякое, и эти лекарства могли стать его страховкой.

— И вот еще — здесь пять лянов серебра. Возьми и не жалея их, когда потребуется.

Цзюньшу понимал, что у Хао-цзы вряд ли есть за душой лишний грош. Это было всё, чем он мог помочь.

— Сяо Чжоу-цзы... — глаза Хао-цзы покраснели от нахлынувших чувств. Ему и впрямь были нужны деньги, но как он мог забрать их у сирот, которым и самим нужно на что-то жить?

— За нас не бойся, у меня еще осталось. К тому же, дядя Ли обещал обучить меня охоте, с голоду не помрем, — отрезал Цзюньшу.

Сердце Е Цзюньхао переполнилось теплом. Он внезапно подхватил Цзюньшу и крепко сжал в объятиях.

Оказавшийся в воздухе Цзюньшу: «...»

Он обязательно вырастет! И будет выше любого в этой деревне!

Поставив друга на землю и заметив его забавное выражение лица, Хао-цзы прыснул со смеху и снова взъерошил ему волосы:

— Ну, тогда брат всё забирает. Жди меня, я вернусь и принесу тебе твою долю с прибылью!

Е Цзюньшу сохранил бесстрастное выражение лица: — Не нужно мне никакой доли. Просто береги себя.

Е Цзюньхао снова ласково взъерошил ему волосы, ничего не ответил, а затем развернулся и махнул рукой на прощание:

— Я ушел! Береги себя!

Е Цзюньшу провожал его взглядом, пока прихрамывающая фигура не скрылась в ночной тени. Спина Хао-цзы оставалась прямой, и в этот миг он казался необъяснимо величественным.

Он не стал спрашивать, откуда у Хао-цзы взялись новые раны и отпустили ли его родные. О многих вещах не нужно спрашивать вслух, чтобы знать ответ.

Е Цзюньхао, который хотел, чтобы его семья жила в достатке, который жаждал вырваться в большой мир и построить карьеру, не был неправ. К тому же он не был безрассудным — за его плечами стоял четкий план.

Но и Второй дядя со Вторым берму, чьи мысли были навеки скованы этим клочком земли в деревне, тоже не были неправы. Они считали мечты сына пустыми бреднями и до смерти боялись, что вдали от них он пострадает.

Это был непримиримый конфликт, где одна сторона должна была убедить другую. А если согласия достичь не удавалось, оставалось лишь одно — ранить друг друга, чтобы пойти своим путем.

Е Цзюньшу мог лишь одно — молча молиться за него.

<http://bllate.org/book/15226/1350465>